
*Литературно-философское наследие***РУССКИЕ МЫСЛИТЕЛИ РУБЕЖА XIX–XX ВЕКОВ
О ЦЕННОСТИ СЕМЬИ**

(составитель и автор комментариев М.А. Варакин)

Была ли семья предметом размышлений наших философов на рубеже XIX–XX веков? Осознавалось ли в обществе ее значение, так же как и в Средневековой Руси, где она являлась безусловной ценностью наряду с понятиями веры, родины, государства? Конечно же, русская философия охватывала большой круг проблем, связанных с человеком, и потому не обошла и эту – проблему самопознания человека через «другого», через тесное общение с этим «другим», проблему возникновения неповторимого сочетания мужчины и женщины в едином коллективе.

Может быть, в предложенных выдержках из трудов русских мыслителей читателю многое покажется известным и он легко узнает знаменитые изречения любимых философов, однако нам хотелось подчеркнуть насущность семейной проблематики тем, что здесь мы имеем возможность увидеть целый пласт культуры одного из явлений социальной и психической жизни человека в начале индустриальной эпохи в России.

Предварить подборку хотелось бы раздумьями автора, мало склонного к философствованию, однако передавшего своими трудами колорит уходящей традиционной России. Это известный этнограф, историк, исследователь русского народного творчества Иван Петрович Сахаров (1807–1863). Для него немаловажным было то, что материал, собиравшийся им в разных местах необъятной России, вплетался в ткань семейной жизни Руси, которая для него была жива еще и в XIX веке. Его гимн старинному укладу русской жизни может служить своего рода вступлением к последующим текстам.

И.П. Сахаров. Слово к русским людям (из книги «Сказания русского народа»)

В истории русского народа доселе изображали только одну Русь историческую, общественную, забывая Русь семейную, может быть, единственную в жизни северных народов. Кто опишет нам русскую жизнь? Неужели чужеземцы? Мы одни можем верно изобразить свою жизнь, представить свой быт со всеми изменениями; этого Россия ожидает только от русских. Ни один чужеземец не поймет восторгов нашей семейной жизни: они не разогреют его воображения, они не пробудят таких воспоминаний, какими наполняется русская грудь, когда ее быт совершается воочию. От этого-то наши родные напевы так сладко говорят русской душе о родине и предках; от этого-то наши былины так умильно вспоминают о горе дедовском; от этого-то наши сказки так утешно радуют нас своим родным языком; от этого-то наши игры так утешают молодежь после тяжких тру-

дов; от этого-то на наших свадьбах так резво веселится пылкая душа мужающих поколений; от этого-то в суеверных поверьях нашего народа отражается общая мировая жизнь. Все это составляет нашу народность и в этом вмещается вся русская семейная жизнь.

...Если бы чужеземец спросил: что вам осталось от вашей старой семейной жизни? Мы бы с гордостью пригласили его на наши русские Святки в старинный боярский дом, и там, указывая на разгул народных фантазий, сказали бы ему: вот ее памятники! Вот наша старая русская жизнь! Было время, когда всем этим дорожили, когда все это любили, когда все это берегли, как сокровище. Образованные европейцы восхищались нашими песнями; но можно ли их восторг сравнить с нашим восторгом? Они в нашей народной поэзии слышали только отголоски, вылетающие из восторженной души; но они не могли постигать наших былин, создаваемых вдохновением и восторгом в полном наслаждении семейной жизни.

Следующих двух светочей русской мысли мы знаем по трудам, в которых осмысливается уже путь новой России, покидающей старый быт. Вместе с мертвыми закосневшими формами она теряла, к прискорбью обоих мыслителей, и вечные ценности. И уже не исторические корни семейной жизни на Руси волновали Льва Николаевича Толстого и Константина Дмитриевича Ушинского, а психологические проблемы человека, создающего семью в новых условиях. Оба этих великих человека новой России много писали об образовании и воспитании, таким образом, обозначая одну из насущнейших семейных проблем, а потому в истории мировой педагогики их имена стоят всегда рядом. Однако особой болью для Льва Николаевича был и другой вопрос – взаимоотношения мужчины и женщины в браке и вне брака. Шедевры «Анна Каренина», «Живой труп», «Семейное счастье» не просто касаются темы брака, но являются цельными программными произведениями, облеченными в художественную форму, этическими трактатами писателя-философа, через которые он провозглашает обществу свои воззрения на «семейное счастье». Крик души писателя – «Крейцера соната», в которой он высказался предельно откровенно. Это последнее произведение вызвало широкий публичный резонанс тем, что в нем наиболее ярко писатель изобразил изъяны современной ему семейной жизни русского высшего общества, подошедшего к рубежу XIX–XX веков. Повесть эта, разделенная на художественную и публицистическую части, еще станет предметом нашего обсуждения, пока же предложим вниманию читателя рецензию Толстого на сложное, неоднозначное произведение другого классика нашей литературы, его младшего современника. Лев Николаевич здесь поднимает те же, глубоко его волновавшие проблемы, и через это по-своему трактует образ главной героини.

Л.Н. Толстой. Послесловие к рассказу А.П. Чехова «Душечка»

Есть глубокий по смыслу рассказ в “Книге Числ” о том, как Валак, царь Моавитский, пригласил к себе Валаама для того, чтобы проклясть

приблизившийся к его пределам народ израильский. Валак обещал Валааму за это много даров, и Валаам, соблазвившись, поехал к Валаку, но на пути был остановлен ангелом, которого видела ослица, но не видал Валаам. Несмотря на эту остановку, Валаам приехал к Валаку и взошел с ним на гору, где был приготовлен жертвенник с убитыми тельцами и овцами для проклятия. Валак ждал проклятия, но Валаам вместо проклятия благословил народ израильский. <...>

То, что случилось с Валаамом, очень часто случается с настоящими поэтами-художниками. Соблазняясь ли обещаниями Валака – популярностью или своим ложным, навеянным взглядом, поэт не видит даже того ангела, который останавливает его и которого видит ослица, и хочет проклинать, и вот благословляет.

Это самое случилось с настоящим поэтом-художником Чеховым, когда он писал этот прелестный рассказ “Душечка”.

Автор, очевидно, хочет посмеяться над жалким, по его рассуждению (но не по чувству), существом “Душечки”, то разделяющей заботы Кукина с его театром, то ушедшей в интересы лесной торговли, то под влиянием ветеринара считающей самым важным делом борьбу с жемчужной болезнью, то, наконец, поглощенной вопросами грамматики и интересами гимназистика в большой фуражке. Смешна и фамилия Кукина, смешна даже его болезнь и телеграмма, извещающая об его смерти, смешон лесоторговец с своим степенством, смешон ветеринар, смешон и мальчик, но не смешна, а свята, удивительна душа “Душечки” с своей способностью отдаваться всем существом своим тому, кого она любит.

Я думаю, что в рассуждении, не в чувстве автора, когда он писал “Душечку”, носилось неясное представление о новой женщине, об ее равноправности с мужчиной, развитой, ученой, самостоятельной, работающей не хуже, если не лучше, мужчины на пользу обществу, о той самой женщине, которая подняла и поддерживает женский вопрос, и он, начав писать “Душечку”, хотел показать, какою не должна быть женщина. Валак общественного мнения пригласил Чехова проклясть слабую, покоряющуюся, преданную мужчине, неразвитую женщину, и Чехов пошел на гору, и были возложены тельцы и овны, но, начав говорить, поэт благословил то, что хотел проклинать. <...>

Автор заставляет ее любить смешного Кукина, ничтожного лесоторговца и неприятного ветеринара, но любовь не менее свята, будет ли ее предметом Кукин, или Спиноза, Паскаль, Шиллер, и будут ли предметы ее сменяться так же быстро, как у “Душечки”, или предмет будет один во всю жизнь.

Давно как-то мне случилось прочесть в “Новом времени” прекрасный фельетон господина Ата о женщинах. Автор высказал в этом фельетоне замечательно умную и глубокую мысль о женщинах. “Женщины, – говорит он, – стараются нам доказать, что они могут делать все то же, что и мы, мужчины. Я не только не спорю с этим, – говорит автор, – но готов

согласиться, что женщины могут делать все то, что делают мужчины, и даже, может быть, и лучше, но горе в том, что мужчины не могут делать ничего, близко подходящего к тому, что могут делать женщины”.

Да, это несомненно так, и это касается не одного рождения, кормления и первого воспитания детей, но мужчины не могут делать того, высшего, лучшего и наиболее приближающего человека к Богу дела, – дела любви, дела полного отдания себя тому, кого любишь, которое так хорошо и естественно делали, делают и будут делать хорошие женщины. Что бы было с миром, что бы было с нами, мужчинами, если бы у женщин не было этого свойства и они не проявляли бы его? Без женщин-врачей, телеграфисток, адвокатов, ученых, сочинительниц мы обойдемся, но без матерей, помощниц, подруг, утешительниц, любящих в мужчине все то лучшее, что есть в нем, и незаметным внушением вызывающих и поддерживающих в нем все это лучшее, – без таких женщин плохо было бы жить на свете.

Удивительное недоразумение весь так называемый женский вопрос, охвативший, как это должно быть со всякой пошлостью, большинство женщин и даже мужчин!

“Женщина хочет совершенствоваться”, – что может быть законнее и справедливее этого?

Но ведь дело женщины по самому ее назначению другое, чем дело мужчины. И потому и идеал совершенства женщины не может быть тот же, как идеал совершенства мужчины. Допустим, что мы не знаем, в чем этот идеал, во всяком случае несомненно то, что не идеал совершенства мужчины. А между тем к достижению этого мужского идеала направлена теперь вся та смешная и недобрая деятельность модного женского движения, которое теперь так путает женщин.

Боюсь, что Чехов, писавши “Душечку”, находился под влиянием этого недоразумения. Он, как Валаам, намеревался проклясть, но бог поэзии запретил ему и велел благословить, и он благословил и невольно одел таким чудным светом это милое существо, что оно навсегда останется образцом того, чем может быть женщина для того, чтобы быть счастливой самой и делать счастливыми тех, с кем ее сводит судьба. <...>

В русской традиции православного венчания есть такой обычай: когда во время этого таинства венчающиеся пьют попеременно одну чашу вина, последний глоток, и довольно глубокий, священник дает испить именно женщине. Действительно, женщина часто выносит на своих плечах все горести и все невзгоды, которые отказывается нести мужчина, и семейный корабль не погибает в суровом житейском море благодаря ее стойкости и мужеству. Великое и неотъемлемое значение женщины также и в том, что ей предназначено участвовать в формировании характера подрастающего поколения. На ранних стадиях своего развития человек связан больше с матерью, и потому на нее ложится основной груз воспитания.

Поэтому такому выдающемуся педагогу, как К.Д. Ушинский, было безразлично, как должна быть подготовлена женщина к нелегкому бремени семейной жизни, особенно его волновала проблема женского образования. Для этого он в своей поездке по Германии изучал иностранный опыт обучения молодых девушек. Небольшая выдержка из отчетного очерка по результатам этой поездки дает понять беспокойство педагога по поводу воспитания русской женщины.

К.Д. Ушинский. О пансионном воспитании девушек в Германии

Теперь начинают понемногу сознавать, что воспитание женщины, кроме индивидуального и семейного значения, имеет еще огромное значение в народной жизни, что через женщину только успехи науки и цивилизации могут войти в народную жизнь. Действительно, характер человека более всего формируется в первые годы его жизни, и то, что ложится в этот характер в эти первые годы, – ложится прочно, становится второй природой человека; но так как дитя в эти первые годы свои находится под исключительным влиянием матери, то и в самый характер его может проникнуть только то, что проникло уже прежде в характер матери. Все, что усваивается человеком впоследствии, никогда уже не имеет той глубины, какой отличается все, усвоенное в детские годы. Таким образом, женщина является необходимым посредствующим членом между наукой, искусством и поэзией, с одной стороны, нравами, привычками и характером народа, с другой. Из этой мысли вытекает уже сама собой необходимость полного всестороннего образования женщины уже, так сказать, не для одного семейного обихода, но имея в виду высокую цель – провести в жизнь народа результаты науки, искусства и поэзии. Эта мысль, впрочем, только что зарождается, и нельзя сказать, чтобы она оказала уже большое практическое влияние на женские учебные заведения Запада.

Федор Петрович Гааз не был профессиональным философом, не выступал на страницах газет, не участвовал в диспутах, но мы его знаем как настоящего глашатая, проповедника Истины и Добра. И ему была не безразлична судьба женщины, именно по значительной роли женщины-супруги, женщины-матери. К ней, в первую очередь, он обращается с призывом спешить делать добро в своем «Духовном завещании».

Ф.П. Гааз. Обращение к русской женщине (из «Духовного завещания»)

Вам, женщины-христианки, нужно, прежде всего, молить Бога, эту бесконечную благодать, осветить любовь, вложенную в ваши сердца, сознанием того, что Он – та единственная цель, ради которой вы созданы; затем научить вас порядку подчинения ваших привязанностей, имея всегда волю Бога главным предметом, с которым все должно быть согласовано и которому все должно быть подчинено. Наконец, так как вы призваны содейст-

воват перерождению общества, то молитесь Ему даровать вам любовь "мудрости", сходящей свыше. Задача женщины заключается не в том, чтобы царить чувственно. Высший закон супружеского союза должен очистить человека, постепенно возвышая его от чувственной к безусловной любви. Для достижения этой цели женщина-христианка должна пленять душу своего мужа не искусством эфемерных нарядов, не блеском гбнущей красоты, но негбнущими очарованиями нравственной красоты, непреодолимой привлекательностью добродетели, лучезарным блеском невидимого человека, обитающего в сердце; она должна подчинить росту своей чистоты все, что есть в природе ее мужа нечистого и животного; она должна, так сказать, переродить эту природу, потопив плотского человека со всеми его дурными наклонностями и вожделениями в безграничной своей христианской любви. Нужно, словом, чтобы в глазах своего мужа она украшалась тою сердечною добротой, тою нравственной прелестью, которую Сам Бог считает лучшим украшением женщины. Пленя такую красотой, жена-христианка выполнит по отношению к неверующему мужу свою миссию возрождения божественного слова, конечная цель которого есть дематериализация человека с целью вознести его до высоты и величия Христа. <...>

Вы призваны содействовать перерождению общества и этого вы достигнете, действуя и мысля в духе кротости, терпимости, справедливости, терпения и любви. Поэтому избегайте злословия, заступайтесь за отсутствующих и беззащитных, оберегайте окружающих от вредных увлечений, вооружаясь твердо и мужественно против всего низкого и порочающего, не допускайте близких до злоупотребления вином, до увлечения картами... чтоб никто из семейных или ближних не стал жертвой какой-нибудь страсти... <...>

Нужно стремиться победить зло добром, внимательно поощрять друг друга к любви и добрым делам, стараясь, чтобы все было с любовью. Торопитесь делать добро! Делать добро нужно скромно, не тщеславясь... Умейте прощать, желайте примирения... Старайтесь поднять упавшего, смягчить озлобленного, исправить нравственно разрушенное.

<...> Нужно много, много прощать, чтобы было много любви. Прощение порождает любовь.

Никогда, ни в каком случае и ни под каким предлогом не делать упреков, т.е. нетерпеливых выговоров, не проникнутых любовью. Если считаете нужным увещивать, то делайте это с любовью и долготерпением; если же вы не обладаете даром делать такие увещивания, то лучше совсем воздержитесь от них.

<...> Научите детей сперва хотя бы машинально повторять догматы христианской религии, заставляя запоминать их как корень, из которого со временем прорастет понимание заключающейся в ней истинной правды и красоты. Цель воспитания должна состоять в том, чтобы дети приобрели привычку к добру.

Ищите и находите свое личное счастье в том счастье, которое предназначены рассеивать вокруг себя.

Исполняйте и вторую заповедь, подобную первой: любить ближнего, как самого себя.

Один из красноречивейших проповедников русской эмиграции архиепископ Иоанн Сан-Францисский (Шаховской) известен своими выступлениями, относящимися к совершенно иной исторической эпохе. Развернувший свою миссионерскую деятельность тогда, когда многие из корифеев русской философской классики уже окончили свой земной путь, своим благородством, образованностью он, конечно, оставался их современником, носителем аристократического духа русской интеллигенции ушедшей Руси. Его обращение к русским людям заинтересовало нас тем, что оно замечательно перекликается с предыдущим воззванием «святого доктора» к охранительнице домашнего очага.

Архиепископ Иоанн Сан-Францисский (Шаховской). Слово к русским людям

Держитесь, братья, русские люди! Держитесь, русские юноши и девушки, не отступите от святой веры. Учитесь святой вере у пастырей Церкви. Держись, русская женщина, сохранившая свой благословенный семейный очаг! Пусть... будет усиление твоей личной, семейной и церковной молитвы, укрепление твоего материнского попечения о душе ребенка, умножение духовного слова и поучения твоей матери, святой русской бабушки, бесстрашно несшей все эти годы по Русской земле молитвы и слова правды Божьей. Бабушка русская, православная, и ты крепишься в борьбе за святую веру, за спасение своих внуков!

В творчестве Владимира Соловьева, известного русского философа, все, связанное с человеком, находило отклик, какой бы малой ни была проблема. Потому и вопросы брака, в их приложении к разработке важнейшей в философии и богословии гендерной тематики, находили в его работах свое место. Главные идеи по вопросам пола и смысла человеческих отношений выдающийся философ изложил в одной из значительных своих статей «Смысл любви». Мы же напомним другую работу В.С. Соловьева, в одной из глав которой философ, в более сжатой форме, повторил свои основные взгляды на гендерную проблематику и коснулся темы брака.

В.С. Соловьев. Эстетика Платона

Если подражать корнесловиям Платонова «Кратила», то можно было бы слово *брак* производить от того, что в этом учреждении человек отвергает, *бракует* свою непосредственную животность и принимает, *берет* норму разума. Без этого великого учреждения, как без хлеба и вина, без огня, без философии, человечество могло бы, конечно, существовать, но недостойным человека образом – обычаем звериным.

Если бы человек по существу своему мог быть *только* человеком, если бы так называемая «человеческая ограниченность» была не фактом только, а непременным и окончательным законом, для всех и каждого обязательным, – тогда брак был бы навсегда высшим и единственно сообразным человеческому достоинству путем любви. Но человек тем-то и выделяется по преимуществу между прочими тварями, что он хочет и может становиться выше себя самого; его отличительный признак есть именно эта благородная неустойчивость, способность и стремление к бесконечному росту и возвышению. И мы знаем, что с начала истории не всех людей удовлетворяли чисто человеческие пути и образы жизни – не удовлетворял и этот – вообще необходимый, почтенный и благословенный, но в основе своей только естественный, чисто человеческий путь Эроса-Гименея, если не в красоте, то в законе рождающего и воспитывающего новые поколения для сохранения и продолжения рода человеческого, пока нужно ему *такое* продолжение. Недовольство этим законным путем у иных – у большей части – приводило к печальному возврату на низшие, покинутые человеческим образованием, незаконные пути – возвращало людей к доисторическому обычаю звериному, а то и к допотопным «глубинам сатанинским».

Но некоторые, уклоняясь от человеческого пути брака, честно старались заменить его не низшими, незаконными, а высшими, или сверхзаконными, путями, из коих первый (в общем счете четвертый) есть *аскетизм* (половой, или безбрачие), стремящийся более чем к ограничению чувственных влечений – к совершенной их нейтрализации отрицательными усилиями духа в воздержании. Аскетизм есть дело очень раннего исторического происхождения и универсального распространения если не в смысле успеха, то хоть в смысле намерения и предприятия. Замечательно, однако, что полнейшая из исторических организаций этого пути – христианское монашество – уже сопровождается невольным сознанием, что при всем своем высоком достоинстве это не есть высший, окончательный, сверхчеловеческий путь любви.

Само монашество считает и называет себя чином *ангельским*; истинный монах носит образ и подобие ангела, он есть «ангел во плоти»; за величайшим монахом западного христианства, св. Франциском Ассизским, остается прозвание *pater seraphicus* и т.д. Но, с христианской точки зрения, ангел не есть высшее из созданий: он ниже человека по существу и назначению, – человека, каким он должен быть и бывает в известных случаях. Представительница христианского человечества признается Царицей ангелов, а у апостола Павла читаем, что все истинные христиане будут судить и ангелов. Ангелы же не судят людей, а лишь исполняют при них службу Божию.

Если человек по существу и преимуществу есть образ и подобие Божие, то носить образ и подобие служебного духа может быть для него лишь временною, предварительною честью. Те самые восточные отцы Церкви,

которые и восхваляли и устанавливали «ангельский чин» – монашество, они же высшею целью и уделом человека признавали совершенное соединение с Божеством – обожествление.

И действительно, аскетизм не может быть высшим путем любви для человека. Его цель – уберечь силу божественного Эроса в человеке от расхищения бунтующим материальным хаосом, сохранить эту силу в чистоте и неприкосновенности. Сохранить в чистоте, – но *для чего же?* Полезно и необходимо очищение Эроса, особенно когда за долгие века человеческой истории он успел так ужасно загрязниться. Но сыну божественного обилия одной чистоты мало. Он требует полноты сил для живого творчества.

Итак, должен быть для человека <...> совершенный и окончательный путь истинно перерождающей и обожествляющей любви. Я могу указать здесь только основные условия, определяющие *начало* и *цель* этого высшего пути. Создал Предвечный Бог человека, по образу и подобию Своему создал его: мужа и жену, создал их. Значит, образ и подобие Божие, то, что подлежит восстановлению, относится не к половине, не к полу человека, а к целому человеку, т. е. к положительному соединению мужского и женского начала, – истинный андрогинизм – без внешнего смешения форм, – что есть уродство, – и без внутреннего разделения личности и жизни, – что есть несовершенство и начало смерти. Другое начало смерти, устраняемое высшим путем любви, есть противоположение духа телу. И в этом отношении дело идет о целом человеке, и истинное начало его восстановления есть начало *духовно-телесное*. Но как невозможно для Божества духовно-телесно переродить человека без участия самого человека – это был бы путь химический или какой другой, но не человеческий, – точно так же невозможно, чтобы человек из самого себя создал себе сверхчеловечность – это все равно что самому поднять себя за волосы; ясно, что человек может *стать* божественным лишь действительною силою не становящегося, а вечно существующего Божества и что путь высшей любви, совершенно соединяющей мужское с женским, духовное с телесным, необходимо уже в самом начале есть соединение или взаимодействие божеского с человеческим, или есть процесс *богочеловеческий*.

Любовь, в смысле эротического пафоса, всегда имеет своим собственным предметом *телесность*; но телесность, достойная любви, т.е. прекрасная и бессмертная, не растет сама собою из земли и не падает готовою с неба, а добывается подвигом духовно-физическим и богочеловеческим.

В рассматриваемом вопросе оппонентом Л.Н. Толстого выступает В.В. Розанов. Его объемный труд – «Семейный вопрос в России» – переиздается по сей день и включает большое количество полемических статей как самого философа, так и его оппонентов, а также другой газетный и статистический материал. Нам же представляется интересным то, как философ рецензирует одно из непростых произведений великого писателя. Эта одна из зрелых работ В.В. Розанова, включенная в сборник «Уединенное».

В.В. Розанов. Семья как Религия

Гр. Л.Н. Толстой. «Крейцерова соната», 1890. Гр. Л.Л. Толстой. «Прелюдия к Шопену», 1898.

I

...«Крейцерова соната» имеет два смысла: тайный и явный. Явный ее смысл кажется направленным против брака: «лучше не жениться» – эти слова Евангелия раздвинуты в обширные страницы и требовательный закон. Таинственные слова, по духу, по положению, по судьбе в истории. <...>

...Мы переходим теперь к тайной мысли «Сонаты». Она вся состоит в утверждении брака, но с глубоким недоумением: *что* же он такое? роман Бетси Тверской с Тушкевичем и с лакеем («Анна Каренина»)? любовь Николая Левина к его Марье Ивановне? эфирность Кити, которую рвет Толстой, изображая ее животные крики в родах? печальная картина «ухмыляющихся протопопов» в предчувствии грязи развода Анны с мужем? адвокат, при разговоре об этом ловающий моль и сокрушающийся, что обивка мебели к осени будет испорчена? Скорбь и недоумение, которое уже душило автора при написании «Карениной», вылилось перед непонимающей публикой рыданиями и проклятиями Позднышева-Толстого... «Вы не умеете понимать картин»; «вы так деревянны, что не захотели сказать ни *да*, ни *нет* после *Анны Карениной* и *Войны и Мира* о том, о чем, как брат братьев, я вас спрашивал: – ну, вот вам зарезанная женщина, вот оголенные, без художества, монологи: наконец, вы скажете ли *да* или *нет*?»

Изобразив в «Войне и мире» параллельные романы Наташи и Марии Болконской с Ростовым и Безуховым; заставив сухого и государственного Андрея Болконского – умереть; нарисовав целый ряд параллельных семей в «Карениной» – Толстой что, собственно, делает? Почему его произведения дороги, ценны и *новы* в русской литературе? Все занимались его философией войны и философией истории в первом большом произведении; но что не здесь – центр дела, тяжесть дум автора, показывает то, как он отрицает сейчас войну, заигрывает с поляками, мутит, что палкой реку – течение истории, и пишет с болезненной страстностью в эти же почти годы «Крейцерову сонату». Вот *что* не умерло в нем, вот *где* центр его дум... Он дал, в тихих и прекрасных картинах, поэзию и почти начало религии семьи. Анна разрешается от бремени; Кити – в муках рождения кричит; Наташа смотрит пеленки ребенка и, перебивая политические речи мужа, говорит: «Не надо доктора, опять желтым». Это так ново после гражданства Тургенева, вечного быта – у Гончарова, «купцов» – Островского. Все ново тут, и смелость не попадавшего никогда в литературу рисунка, но главное – нов сам автор! Сколько недоразумений вызвала «Крейцерова соната», а между тем она вся есть только «послесловие» к странному диалогу между Долли и Анной, в доме-дворце Вронского, после коего назавтра Долли выехала из этого дома с каким-то страхом, а Анна говорила накануне:

«– Нет, я именно несчастна! Ты не вправе и не смеешь осуждать меня»...

Она спустилась к гостье нарядная и веселая, и Долли смутилась за свою заплатанную ночную кофточку. Она полна любви и жалости к Анне; в ответ на жалость – раскрывается бедное, гибнущее сердце Анны; она начинает в мажорном тоне, как «она счастлива с Вронским», «свободна и легка в своем положении». Разговор углубляется, переходит в шепот: что-то о детях и о том, почему Анна не может, а главное – не хочет рожать. Тема «Крейцеровой сонаты», уже ее печальный тембр! Покров опущен стыдливым автором; завтра Анна – остается умирать. Долли – жить (религия семьи). «Мне отмщение – и Аз воздам». За что? Из тысяч читателей никто не спросил себя об этом?

«Мне отмщение и Аз воздам» растлением, смертью, ужасной мукой под колесами поезда (Анна), под ножом мужа (жена Позднышева), воздам в «слезах» и недоумении этого маниака-сумасшедшего, который сосет папиросы и бормочет печальные монологи в вагоне первому встречному. За что «воздам»? Да все за то же: «Дом Отца Моего не делайте предметом паскудства». Я сказал, что высота и особенность, новизна Толстого состоит в том, что он первый постигнул, а через художество свое и дал почувствовать какой-то не просто идеализм, а тонкий, пока еще едва различимый, чуть-чуть брезжущий религиозный свет, коим струится «дом Божий» в каждой бедной вези, около всяких Вифлеемских «яслей» («заплаты» на Долли), если это есть правильно сложенная, хотя в одной стороне правильная (Долли и Стива), семья. <...>

...«А если, анафемы, вы этого не понимаете, то лучше не женитесь...» – крикнул он в «Крейцеровой сонате» и разбил скрижали, показав читателям нож и кровь. <...>

«Семья – да будет дом Божий», «брак – несокрушим и вечным таинством» плачемся мы, люди, законы, царства. Но, ради Бога, как, откуда он будет «домом Божиим», если глубь его сливается с идеей последнего греха? Переверните все, внесите в эту глубь свет Божий, поместите туда Поклоняемое Лицо Божие, и семья станет в самом деле богопоклонением, а брак – не фиктивно-религиозным таинством. <...>

...Мы имеем брак: драгоценные его черты выражены ли в академических нюансах, в том, что он – «образован» и она – «хороша»? Какая профанация! глубже, глубже! «и в болезни – не оставляй», «и в безобразии – сохрани». Да почему? почему? – Да потому, что «святое» их обоих, тот факт, что они «святятся» друг для друга, – не по поверхности скользит, но уходит вглубь именно и специально по линиям их связи: к Единому Образу, которому они там поклонились. Вот откуда – свет брака! Брак есть поклонение «невидимому свету». Отрицательный ли он? Да он-то и побеждает смерть, не иносказательно, но фактом: где мое и женино в этом младенце? Мы – живы в нем, а через его рождения – живы в бесконечность. «Смерть – где твое жало?» Мать умирает за младенца; она – в нем; и крат-

кий обрывок частного в себе бытия естественно жертвует за бесконечное (в будущем) свое же «я». Не только в колорите, в тембре рождение противоположно смерти: оно в самом деле вечно вырывает у нее жертву, оставляя в руках ее, «под косою», скорее скорлупу бытия, нежели самое бытие, ускользающее через рождение – в жизнь. <...>

Искусство жить в семье заключается в вынесении, в выбрасывании тотчас каждой соринки, которая в житейском быту со стороны попадает в нее, или по несчастии и греховности человеческой природы, зарождается в ней же (семье). Вина ли – сейчас покайся; слаб, немощен – не ищи на стороне утешения. Воистину – «дом Божий», где «все вместе». Поразительно, что малейшая тень неуважения, казалось бы так мало относящаяся к существу плоти, сейчас ее расстраивает. Наступает вид плотского друг к другу отвращения. Итак, сущность чистого брака есть совершенная любовь; брак «свят», «религия» – когда он в «истине» и «в любви»; а без любви, при обмане – «разврат». <...>

...Сосредоточимся на *целомудрии*; оно есть черта именно и специально только *пола*; это – не качество *ума*, не особенность *сердца*, не принадлежность *характера*; это – уважение человека к своему полу, молчаливое и бережное отношение к нему, как к *ненарушимо-святому* в себе. <...> ...станем наблюдать дальше – и мы будем восходить в удивление: именно целомудренная-то женщина и становится источником глубочайшего к ней влечения. <...> На этом порыве — религиозном и к религиозному – и завязывается брак; и он не только не разрушает целомудрия, но еще удлинняет его таинственные и влекущие ресницы, уплотняет фату девства. <...>

...Будьте зорче: религия почти во всей своей существующей полноте струится от пола: это – молитвы отцов о детях, матерей – о них же; молитвы детей, повторяющих слова за няней. Там и здесь – это молитвы пола, т.е. имеющие пол в скрытой глубине своей. Холодны ли они? притворны ли? Нет глубочайших, нет страстнейших молитв!.. <...> Семья точно так же имеет для себя религию в христианстве, как и институт монашества; и если аскеты, как мы знаем, именуют себя «небесными человеками», «земными ангелами», то и многоплодный и заботливый отец, покорный родителям сын, целомудренная дочь, завтра вырастающая в еще целомудреннейшую жену, – суть также образы небесных прообразов. Они не суть ослабевшие в грехе люди: они восходят в некоторую положительную святость, и только по иной, полярно противоположной Голгофе, скале: «зла» – «блага». <...> Перенесемся в Вифлеем – и Голгофа представится в истинном своем свете, как страдание, как враждебное Христу, как в самом деле как распинание Его. Смерть и к ней ступени предстанут в истинном своем виде – как ступени греха, как виды отрицания: а виды святости, нисходя по ступеням семейного труда, семейного «несения тяготы друг друга», благочестивого в семье веселья – падают, как к «первому святому», в самый завиток бытия человеческого. Христианство, читаемое правильно, от начала к концу, из рыдания над гробом и около гроба переходит в неизъяс-

нимую глубину херувимской песни около брака. И «слово плоть бысть» Нового Завета сливается с «бысть два в плоть едину» Завета Ветхого. Только при этом постижении становятся доказуемо-ясными словами: «Я не разрушить пришел закон, а – исполнить». В противном случае («лучше не жениться») получалось бы расхождение Ветхого и Нового Завета, с последствиями (такового расхождения), которых и предвидеть нельзя...

Сотрудник В.В. Розанова по «Новому времени» М.О. Меньшиков, тоже имевший непростую судьбу, в том числе и семейную, также находился под влиянием творчества и личностей Л.Н. Толстого и А.П. Чехова. Также погиб в годы лихолетья большевистского террора¹. Меньшиков стоял на иных религиозных позициях и принадлежал скорее к консервативному лагерю по своим политическим убеждениям, не раз вступал с Розановым в диспут на страницах печати. Воззрения Меньшикова на семейный вопрос также отличаются от крайнего розановского радикализма. К сожалению, сегодня его мало переиздают, и прекрасная книга «О любви» вышла после первого издания в 1897 году в Петербурге еще раз только в 1996 году в Ставрополе и до широкого читателя пока не дошла. Наибольшую ценность представляет последняя часть этой книги «Любовь святая», в которой выражен взвешенный, традиционалистский взгляд христианина-мыслителя на любовь и брак.

М.О. Меньшиков. Любовь святая (Из книги «О любви»)
"Заповедь новую даю вам..." (Ин. 13: 34)

I

Санскритский глагол *lubhati* значит иметь желание (*lubha* – желание). Возможно, что в самой глубокой древности любовь чувствовалась только как желание. "Желанный мой" – в народе до сих пор заменяет слово "любимый". Но собственно в желании ничего нет ни возвышенного, ни чистого. Желать можно с одинаковой силой и хорошее, и дурное, и в последнем случае желание есть источник зла. Любовь, как желание, дает пищу всем привязанностям и страстям, как бы последние ни были чудовищны. Мне кажется, что любовь только тогда делается святою, когда из желания переходит в жаление, когда воля человека обращена не к себе, а от себя. В народе "я люблю" говорят о вещах, потребностях или любви плотской, но когда говорят о близких людях, то глагол "любить" заменяется глаголом "жалеть". Еще говорят: "я люблю жену", но о родителях, детях, родных и друзьях отзываются чаще, что жалеют их, как и о всех чужих людях в минуту сострадания к ним или благоволения. Жалеть – значит не только сожалеть, но и жаловать, т.е. благоволять, желать блага. В то время, когда любовь-желание эгоистична и ей нет собственно дела до счастья любимого существа, – любовь-жаление вся как бы перевоплощается в него. Жалеть можно не только в страдании, но и в радости любимого существа, это не только сострадание но и сорадость.

Эти два типа любви соответствуют двум периодам нравственного сознания человечества. Любовь-желание характеризует язычество, любовь-жаление – христианство. Первый период – господство страстей, второй – господство разума. Оба периода еще делятся, оспаривая свою власть в мире. И сообразно тому, который вид любви торжествует, меняется отношение человека к себе, к людям и к Богу.

II

История человеческого духа, как и душевная жизнь каждого из нас, есть борьба двух начал: многобожия и единобожия. <...> Великое учение о Едином смело, вместе с идолами, и самое представление об отдельных богах; но боги исчезли, а их стихии – страсти – остались, и до сих пор огромное большинство христиан, на словах исповедующее Единого, поклоняется на самом деле многому. <...> Никто не называет себя, за исключением немногих декадентов, – язычником, но очень многие живут исключительно стихиями, искренно поклоняясь каждому своему хотению, как божественному. Обезбоженное, оязыченное современное поколение признает как несомненный закон, что развитие человека состоит в увеличении числа потребностей и в утончении каждой из них до степени культа. Разве это не новое многобожие и идолопоклонство?

Великое откровение дохристианской древности заключалось в том, что Бог один (что вслед за Моисеем и совершенно независимо от него признали и самые искренние мудрецы язычества). Новый Завет углубил это древнее откровение благою вестью, что Бог не только один, но что он есть Отец, источник жизни, податель блага, что он – Любовь. Вот что с того времени стало достойно обожания, – одно это и ничто больше. Или примите, что Бог один, или отвергните это, и если приняли, то и обожайте Одного, а не многое. Или примите, что Бог есть Любовь, или отвергните, и если приняли это, то и обожайте же одну эту Любовь, а не несколько любвей животных, именуемых страстями.

<...> Всякая иная страсть поэтому есть отрицание Бога, попытка подменить его каким-нибудь идолом. Поэтому любовь к себе и ближнему всегда должна проверяться любовью к Богу, и если она последней противоречит, ясно, что она не чистая. Нельзя изменить Богу ни ради себя, ни ради ближнего, потому что в Боге – величайший интерес и свой, и всех людей. Величайшая забота человека должна заключаться в бережении в себе высшего нравственного начала, в котором жизнь вечная и отступничество от которого ведет к смерти.

III

<...> Все сколько-нибудь выдающиеся люди вырастают еще в христианской семье, от родителей и дедов единобожников, но подождем поколений, выросших вне всякого нравственного культа. Эти поколения покажут себя! Они повторят в себе то поразительное бездушие, которым бы-

ли охвачены обезбоженные классы Греции и Рима времен упадка. Они дойдут – как уже и доходят кое-где – до оргий, описанных у Петрония, до извращения всех страстей, до полного одичания души. Может быть, дойдут и до каннибальства, как предрекает Достоевский, или, по крайней мере, до Тибериевых ночей, после которых из капрейской виллы выбрасывали кучами трупы оскверненных детей. Обожание желаний ведет к страшному развитию эгоизма, к жестокости чисто дьявольской. Пышная, гордая цивилизация – плод долгих усилий человечества – может дойти на этом пути до безумия, в котором и заглохнет жизнь. "Мне отмщение – и Аз воздам..."

IV

<...> Что же такое любовь святая?

Это высшее душевное состояние – не ум, беспрерывно колеблющийся и по природе своей составляющий орудие, это не какая-нибудь из страстей человека, неустойчивых и бурных. Это любовь не к чему-нибудь одному, а ко всему, как блаженное стремление все счастье прекрасным, милым, дорогим, все обнять собою, все вместить в себя. Человек, напоенный такою любовью, – как розовый куст в цвету: он наполняет ароматом своего счастливого сердца всю природу. Это – благо, равномерно разлившееся на весь мир. <...> Это прекрасное состояние, доступное нам лишь изредка, может быть, мне кажется, постоянным настроением натур избранных, как результат коренного перерождения воли – из желания в жаление...

V

Удивительные примеры святой любви дают иногда отшельники, особенно русские, т.н. старцы. Представьте себе седенького старичка где-нибудь в лесной глуши, живущего в своей келейке, наедине с Богом. Живет себе один-одинешенек, совсем ушел от мира, от всех страстей его. Но только что он, могучим усилием, оборвал это притяжение свое к миру, как образовалось другое притяжение – мира к нему. К старичку тянутся ото всюду люди, несчастные, больные сердцем, женщины, дети – и уходят от него успокоенные. <...>

...Возьмем еще пример. Вот женщина, чистая, добрая, кроткая. Она жена и мать, на ней лежит много забот и обязанностей – дом, дети, хозяйство. Она одна, и поглядите, как легко и радостно она несет это бремя. С утра до ночи она в движении, она, как добрый гений, как дух света, носится в этом детском шуме, укрощает ссоры и обиды, развлекает, дает занятия, учит, кормит, играет, укладывает спать и будит, она наблюдает за общим порядком, за кухней, за жизнью мужа, за счастьем многочисленной родни и подруг – ее на всех хватает. Со стороны поглядеть – кажется, она должна бы быть каждый день раздавленной: всякая иная женщина дошла бы до острого переутомления в неделю такой жизни. Но наша кроткая всегда свежа, всегда светла и готова вникнуть в каждую радость или каждое ваше горе, как будто в первое, о котором слышит. Откуда берется такая

сила? А из святой любви, источника неиссякающего, не глохнувшего, как эгоистические страсти. Для доброй женщины нашей все легко, потому что она все любит, а любимое легко. Этою неизменною добротою, этим теплом и светом, которым она дышит, она всем делается бесконечно милою и родною. Детишки обожают ее всем трепетом своей еще небесной природы, муж благоговеет, считает своим гением-хранителем и вторым сердцем своим, родня, подруги тянутся к ней, как в лечебницу для душевных ран: она словами и улыбками точно накладывает пластыри на язвы ваши, перевязывает их. Бывают такие чудные женщины; хоть изредка Господь посылает их, как вестников иной жизни. И не стыдно ли подумать даже, что любовь такой женщины, которая творит на ваших глазах Царство Божие, что такая любовь... плотская. Что все это чудо произошло от культивированной любовной страсти, от ее удовлетворения? Что не только муж, но и дети, прислуга, родня, знакомые озарены лишь половым чувством этой женщины? Часто бывает, что это будто бы центральное чувство вовсе подавлено; среди старых девушек, чистых от природы и нисколько не страдающих от своего девичества (страдают нечистые, больные) – среди них попадаются идеальные "тетеньки", которые живут в чужой семье именно в той роли, как описанная кроткая мать. Эти тетеньки и сами любят, и возбуждают к себе самую пылкую любовь всех близких – нимало не помышляя о каких-нибудь половых утехах, стыдясь даже мысли о них. Жаление убило в них желание и дало мир и радость. <...>

VII

Что же такое любовь святая? Она, как мне кажется, есть утонченнейший продукт человеческой души, нечто выше гения, что встречается реже его. Одаренные этим блаженством люди, как крупные алмазы, все наперечет в нравственной истории человечества. Но кроме открытых алмазов, в толще земной есть гораздо больше скрытых; и в нашем обществе, и в толще народной есть никому неведомые праведники, носители любви небесной. Они очень редки, но их надо разыскивать, чтобы увидеть воочию это столь нежное явление природы. У обыкновенных людей любовь-жаление отравлена эгоизмом, она всегда более или менее корыстна. Мать любит сына не потому, что это ребенок, а потому, что он ее ребенок, ее собственность, и она готова иногда горло разорвать каждому, кто тронет ее дитя. Для того чтобы оставить детям побольше наследства, обеспечить им карьеру, иная мать способна на любую низость, как Матрена из "Власти тьмы". Иной "любящий" родитель готов заколотить сына, принуждая его учиться и добиваться карьеры, готов разбить ему сердце, если найдет, что женщина, которая ему нравится, неподходяща. Ясно, что такая любовь к детям ничуть не святая; она так же дурна, как половая страсть. То же и любовь детей к родителям, когда она полна корыстного расчета. То же иная дружба, требующая часто полного порабощения одной личности другой. Все эти виды любви, подобно половой страсти – самой сильной – не далеки, от ненависти.

"Si on juge de l'amour par la plupart de ses effets, il ressemble plus à la haine qu'à l'amitié" ("Если судить о любви по обычным ее проявлениям, она больше похожа на ненависть, чем на дружбу" ("Максимы")), – говорит Ларошфуко. Но существует чистая, святая любовь между людьми, которая лишена этого яда. Безусловно добрые, искренне благородные люди любят без эгоизма. Такие благоволят ко всему, жалеют все, одинаково желают счастья всем и всем дают его, как солнце, которое светит не разбирая, праведным и грешным. Истинно добрая "святая" мать едва делает различие между своими и чужими детьми, для нее все дети одинаково милы и дороги.

VIII

При невежестве или неспособности различать вещи или при умышленном нежелании различать их, половую страсть называют "любовью" и думают, что это-то и есть самое чистое и яркое выражение любви в природе. Но это, как уже замечено выше, грубая, а при настойчивости, даже глупая ошибка. Половая "любовь", как всякая страсть, есть в существе своем воля, тогда как святая, истинная любовь есть представление, выражаясь языком Шопенгауэра, то есть воля уравновешенная до гармонии, до разума, до сознания блага жизни. Страсть всегда есть желание, тогда как святая любовь – удовлетворенность. Разница диаметрально противоположная. Полюбить свято – значит быть довольным, влюбиться же (как и возненавидеть) – значит почувствовать недостаток в чем-то и жажду удовлетворенья. Страсть, как чистая воля, всегда обоюдоостра: желание легко переходит в нежелание, влечение к чему-нибудь – в отвращение. Святая же любовь, как высшее разумение, есть абсолютная удовлетворенность и потому постоянна. Половая (как и всякая) страсть дает только иллюзию любви: в ней "любят" человека так же, как гастроном любит пищу, как скупец – деньги, как честолюбец – орден и т.п. Это не любовь, а желание; желание же, как бы оно ни было сильно, нельзя смешивать с отсутствием всяких желаний. <...> Святая любовь, как удовлетворенность без остатка, в своей божественной полноте есть блаженство и дает только счастье, в отличие от страстей, всегда отягощенных страданьем. Святая любовь, состояние бескорыстное, бесстрастное, может показаться бессильною, до такой степени она свободна от грубой физической природы. В ней сила укрощена до начала всякой силы, до разума, и потому в сравнении с бурным процессом страстей святая любовь кажется безжизненной. Между тем она-то и есть источник жизни, как первостихия духа. Подобно тому как распад пороха производит взрыв, так распад святой любви дает страсть, устремление развязанной воли по какому-нибудь одному направлению. Любовь святая нематериальна, она по настроению своему похожа на гимн божеству. Если мы что-нибудь любим чисто, с умилением небесным, нам всегда хочется молиться, и молиться как ангелы – не прося, а благословляя. Восхищены ли вы сияющею свежестью природы, ее тайной мыслью, растроганы ли чьим-нибудь благородным поступком или непритворным участием друга

– вы невольно обращаетесь в душе к Создателю, благодарите его, вы возвращаете Ему любовь, которую сейчас получили. Святая любовь не только религиозна: она есть естественная религия, самая реальная и чистая связь с Богом. Может быть, эта любовь есть исходящая от Него на весь мир благодать, отражающаяся в нашем сердце (как в зеркале – лучи света) и идущая к Нему же. Ее высочайшая природа, как основной первостихии духа, несомненна.

IX

Любовь святая есть высшее внимание к любимому существу. Напряженнейшее внимание есть тем самым и любовь. Чтобы любить, надо душою войти в любимый предмет и стать как бы его душой. Любовь святая есть отречение от своей личности, готовность всегда воплотиться в иное существо... Сами по себе все вещи на свете незначительны, ничтожны, но они приобретают бесконечное значение, если рассматривать их в их источнике, их "архетипе", как говорили неоплатоники. <...>

X

Святая любовь упраздняет все низшие, отдельные виды любви. Между святыми невозможно ни половое общение, ни дружба к кому-нибудь одному или немногим, ни любовь исключительно к своим детям. Все эти эгоистические, ограниченные формы любви становятся ненужными, как не нужны свечи и люстры, когда взошло солнце. Это именно и страшит тех, которые иных явлений любви, кроме корыстных, не знают. Но страх этот напрасный. Совершенная любовь не уничтожает ничего, что в низших видах любви было истинно достойного и святого. Все хорошее включается в святую любовь, в нее не входит только то, что принижало, уродовало душу. В половой любви, если самое дорогое составляет чистая привязанность, восторг сосуществования с любимым человеком, то это всецело входит в любовь святую, усиленное разумом, очищенное от похоти. В дружбе святая любовь есть высшая дружба ко всему. В любви кровной – святая любовь делает всех родными. "Истинно говорю вам, нет никого, кто оставил бы дом, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли ради Меня и Евангелия, и не получил бы ныне, во время сие, среди гонений, во сто крат более домов, и братьев, и сестер, и отцов, и матерей, и детей, и земель, а в веке грядущем – жизни вечной" (Мф. X; 29–30). Святая любовь самым реальным образом раздвигает границы человека до человечества и все благородные виды счастья расширяет беспредельно. Тем, которым страшно любви божественной, жаль утратить в грешной любви не добрые ее начала, а порочные, – жаль эгоизма, с потерю которого, по-видимому, исчезает и сама личность человека. Действительно, наша личность основана на эгоизме, на обособленности, отграничении, и потому в существе своем греховна. Маленькое "целое" есть всегда некоторое отрицание Великого Целого, отклонение от Единой воли. Поэтому следует всеми силами души пре-

возмогать свою любовь к личности. Нужно убедить себя, что нечего жалеть потери личности, следует стремиться к такой потере. Ведь человек, душа его, вовсе не в личности его, и с утратою ее не только не исчезает, а, в сущности, только рождается. <...> Посмотрите как растет дух человека, отрешившийся от личных целей. Двенадцать галилейских рыбаков, нищих и безоружных, покоряют мир. <...>

XIII

<...> Нет сомнения, что совершенство святой любви нам недоступно, но нам всем доступно стремление к такому совершенству и успехи на этом пути. Пока мы стремимся, любовь наша отравлена примесью эгоизма и неразрывного с ним страдания, но чем дальше, тем эта примесь меньше. Поэтому совершенного счастья доступная нам любовь дать не может; однако от нас зависит приближать это счастье путем увеличения любви. Важно иметь ясное сознание, куда идти. Идти ли в ту или иную страсть, или в омут их, или стремиться в сферу, где страсти очищены, обезврежены, где из них извлечены одни живые и радостные начала, – в сферу святой любви. Пусть вы никогда не достигнете центра этой сферы, но всякое усилие ваше оплачивается, каждый шаг обогащает.

Недоверие к мысли, что такое блаженное состояние души возможно, происходит от чрезмерного порабощения низшим, эгоистическим видам любви. Как эскимосы смеются над туристами, рассказывающими им о южных странах, мы склонны считать утопией, праздным измышлением все толки о святой любви, о вечном братстве людей, о вечном мире и благоволении. Неужели возможны области, где нет льда и снега, нет колючих морозов, где можно ходить в одной рубашке и рвать плоды с дерева? Вспомните, как часто мы считаем утопией то, что не только потом сбывалось, но случалось и раньше, даже с нами самими. Ничего нет печальнее веры в настоящее, на ней жизнь нравственная прекращается.

XV

Гений человеческий в какой бы то ни было области есть разновидность любви. Нельзя проявить творчества, нельзя узнать глубоких тайн природы или души, не устремив на них напряженного внимания, а это уже есть любовь. *Tout comprendre – tout pardonner* (Все понять – значит все простить.); я сказал бы: все увидеть – значит все полюбить. Обыкновенно мы потому не любим вещей, что не знаем их, а не знаем потому, что не любим их, не разглядываем как следует, видим в них не все, а лишь нечто. И это нечто, оторванное от своего целого, является нелепым и противным. Вмestите в себя все, и вы поймете все и полюбите. Ибо все в мире, вышедшее из Всеблаготворительной любви, достойно любви, и погрешают не вещи, а наше отношение к ним. <...> Необходима героическая решимость идти к совершенству и во что бы то ни стало добиваться света. И сверх того нужно, может быть, особое соизволение Высшей Любви, делающей те или иные существа вырази-

телями своими. Но кто знает, далек он или близок от этого блаженного состояния. Все должны стремиться к нему и всякий приближается к нему в мере стремления. Пусть, по слабости своей, вы лично не заслужите преобразования, но ваши усилия, слившиеся с другими, создадут ту школу, ту культуру любви, в которой легче будет достигать тех же целей будущим поколениям, т.е. нам же самим, если мы верим в неумирающую жизнь. Нужна культура, – правильное, культ этой святой любви, который сменил бы собою все прежние, варварские культы, основанные на обожествлении плоти.

Философы более поздней волны И.А. Ильин, Н.О. Лосский, протоиерей В.В. Зеньковский увидели то время, когда предчувствия их предшественниками катастрофы исполнились в самой горькой, самой крайней степени. Поэтому все творческие силы философов-эмигрантов были отданы не отвлеченным умозрениям, а деятельной работе души и ума над созданием образа будущего русского человека, который, трезво глядя на ошибки прошлого, станет все же на путь преобразования. Воспитание такого *нового* человека, по их мнению, должно осуществляться, прежде всего, в рамках института семьи. В мировоззренческой системе И.А. Ильина и Н.О. Лосского семья является краеугольным камнем духовного созидания общества. Это отражено в таких знаменитых работах, как «Путь духовного обновления», в которой Ильин наиболее ярко проявился как патриот-мыслитель, и «Условия абсолютного добра» – важном жизненном труде Лосского. Мы предлагаем рассмотреть основные идеи этих мыслителей, предложив фрагменты глав из каждой книги.

И.А. Ильин. О семье. (Из книги «Путь духовного обновления»)

Семья есть первый, естественный и в то же время священный союз, в который человек вступает в силу необходимости. Он призван строить этот союз на любви, на вере и на свободе, научиться в нем первым *совестным* движениям сердца и подняться от него к дальнейшим формам человеческого духовного единения – *родине и государству*.

Семья начинается с брака и в нем завязывается. Но человек начинает свою жизнь в такой семье, которую *он сам не создавал*: это семья, учрежденная его отцом и матерью, в которую он входит одним рождением, задолго до того, как ему удастся осознать самого себя и окружающий его мир. Он получает эту семью как некий *дар судьбы*. Брак по самому существу своему возникает из *выбора и решения*, а ребенку не приходится выбирать и решать: отец и мать как бы образуют ту предустановленную для него судьбу, которая выпадает ему на его жизненную долю, и эту судьбу он не может ни отклонить, ни изменить <...>

...Семья является *первичным лоном человеческой культуры*. Мы все слагаемся в этом лоне, со всеми нашими возможностями, чувствами и хотениями; и каждый из нас остается в течение всей своей жизни духовным представителем своей отечески материнской семьи или как бы *живым символом ее семейственного духа*. Здесь пробуждаются и начинают развер-

тываться дремлющие силы личной души; здесь ребенок научается любить (кого и как?), верить (во что?) и жертвовать (чему и чем?); здесь слагаются первые основы его характера; здесь открываются в душе ребенка главные источники его будущего счастья и несчастья; здесь ребенок становится маленьким человеком, из которого впоследствии развивается *великая личность* или, может быть, *низкий проходимец*. <...>

Природа устроила так, что одно из самых ответственных и священных призваний человека – быть отцом и матерью – делается для человека доступным просто при минимальном телесном здоровье и половой зрелости, так что человеку достаточно этих двух условий для того, чтобы не задумываясь наложить на себя это призвание... «А чтоб иметь детей – кому ума недоставало?!» (Грибоедов).

Вследствие этого утонченнейшее, благороднейшее и ответственнейшее искусство на земле – *искусство воспитания детей* – почти всегда недооценивается и продешевляется; к нему и доселе подходят так, как если бы оно было доступно всякому, кто способен физически рожать детей, как если бы существенным было именно зачатие и рождение, а остальное – именно воспитание – было бы совсем несущественно или могло бы делаться как-то так, «само собой». На самом же деле тут все обстоит совсем иначе. Окружающий нас мир людей таит в себе многое множество личных неудач, болезненных явлений и трагических судеб, о которых знают только духовники, врачи и прозорливые художники; и все эти явления сводятся в последнем счете к тому, что родители этих людей сумели их только родить и дать им жизнь, но открыть им путь к *любви, к внутренней свободе, вере и совести*, т.е. ко всему тому, что составляет источник *духовного характера и истинного счастья*, не сумели. <...>

...Человеческая семья, в отличие от «семьи» у животных, есть целый *остров духовной жизни*. И если она этому не соответствует, то она обречена на разложение и распад. История показала и подтвердила это с достаточной наглядностью: великие крушения и исчезновения народов возникают из духовно-религиозных кризисов, которые выражаются прежде всего в разложении семьи. Понятно, почему это так было и бы-вает. Семья есть первоначальная, исходная ячейка духовности – как в том смысле, что именно в семье человек впервые научается (или, увы, не научается!) *быть личным духом*, так и в том смысле, что духовные силы и умения (или, увы, слабости и неумения), полученные от семьи, человек переносит затем на общественную, и государственную жизнь. Вот почему духовный кризис поражает прежде всего исходную ячейку духовности; если духовность колеблется и слабеет, то она слабеет прежде всего в семейной традиции и в семейной жизни. Но, раз поколебавшись в семье, она начинает слабеть и вырождаться – и во всех человеческих отношениях и организациях: больная клетка создает больные организмы. <...>

Всякая настоящая семья возникает из *любви* и дает человеку *счастье*. Там, где заключается брак без любви, семья возникает лишь по

внешней видимости; там, где брак не дает человеку счастья, он не выполняет своего *первого* назначения. Научить детей *любви* родители могут лишь тогда, если они сами в браке умели любить. Дать детям *счастье* родители могут лишь постольку, поскольку они сами нашли счастье в браке. Семья, внутренне спаянная любовью и счастьем, есть школа *душевного здоровья, уравновешенного характера, творческой предприимчивости*. В просторе народной жизни она подобна прекрасно распустившемуся цветку. Семья, лишенная этой здоровой центростремительности, растрачивающая свои силы на судороги взаимного отвращения, ненависти, подозрения и «*семейных сцен*», есть настоящий рассадник больных характеров, психопатических тяготений, неврастенической вялости и жизненного «неудачничества». Она подобна тем больным растениям, которым ни один хороший садовник не даст места в своем саду. <...>

...Человек призван к тому, чтобы видеть и любить в любимой женщине (или соответственно – в любимом мужчине) не только плотское начало, не только телесное явление, но и «душу» – своеобразие личности, особенность характера, сердечную глубину, для которых внешний состав человека служит лишь телесным выражением или живым органом. <...> Человек, желая *смертного* и *конечного*, любит скрытую за ним *бессмертность* и *бесконечность*; вздыхая о плотском и земном, радуется духовному и вечному; иными словами – когда он ставит свою любовь перед лицом Божием и Божиими лучами освещает и измеряет любимого человека... В этом – глубокий смысл христианского «венчания», венчающего супругов венцом радости и муки, венцом духовной славы и нравственной чести, венцом пожизненной и нерасторжимой духовной общности. Ибо вожделение может быстро пройти, оно бывает подслеповатым. И предчувствовавшееся наслаждение может обмануть или надоесть. И что тогда? Взаимное отвращение прикрепленных друг к другу людей?... Судьба человека, который в ослеплении связал себя, а прозрев – проклял свою связанность? Пожизненная унижительность ежедневной лжи и лицемерия? Или развод? Прочность семьи требует иного; люди должны желать не только утех любви, но и ответственного совместного творчества, духовной общности в жизни, в страдании и в ношении бремени, по древнеримской брачной формуле: «где ты, Кай, там и я, твоя Кая»...

...Счастливый брак возникает не просто из взаимной естественной склонности («по милу хорош»), но из *духовного сродства* людей («по хорошу мил»), которое вызывает непоколебимую волю – *стать живым единством и соблюсти это единство во что бы то ни стало*, и соблюсти его не только напоказ людям, но на самом деле, перед Лицом Божиим. В этом глубочайший смысл религиозного освящения брака и соответствующего церковного обряда. Но это составляет и первое, необходимейшее условие для верного, духовного воспитания детей. <...>

...Семья имеет призвание дать ребенку самое главное и существенное в его жизни. <...> Семья оказывается как бы *естественною школою*

христианской любви, школою творческого самопожертвования, социальных чувств и альтруистического образа мыслей. В здоровой семейной жизни душа человека с раннего детства обуздывается, смягчается, приучается относиться к ближним с почтительным и любовным вниманием. <...>

...Семья призвана воспринимать, поддерживать и передавать из поколения в поколение некую *духовно-религиозную, национальную и отечественную традицию*. ...Сама идея «родины» – лона моего рождения, и «отечества», земного гнезда моих отцов и предков – возникла из недр семьи как телесного и духовного единства. Семья есть для ребенка первое *родное место* на земле; сначала – место-жилище, источник тепла и питания, потом – место осознанной любви и духовного понимания. Семья есть для ребенка первое «*мы*», возникшее из любви и добровольного служения, где *один стоит за всех и все за одного*. Она есть для него лона естественной солидарности, где взаимная любовь превращает долг в радость и держит всегда открытыми священные врата совести. Она есть для него *школа взаимного доверия и совместного, организованного действия*. Не ясно ли, что истинный гражданин и сын своей родины воспитывается именно в здоровой семье? <...>

...Ребенок учится в семье верному восприятию *авторитета*. В лице естественного авторитета отца и матери он впервые встречается с идеею *ранга* и научается воспринимать *высший* ранг другого лица, преклоняясь, но не унижаясь, и научается мириться с присущим ему самому *низшим* рангом, не впадая ни в зависть, ни в ненависть, ни в озлобление.

В здоровой христианской семье есть один-единственный отец и одна-единственная мать, которые совместно представляют единый – властвующий и организующий авторитет в семейной жизни. В этой естественной и первобытной форме авторитетной власти ребенок впервые убеждается в том, что *власть, насыщенная любовью, является благостною силою* и что порядок в общественной жизни предполагает наличность такой единой, организующей и повелевающей власти: он научается тому, что принцип патриархального единодержавия содержит в себе нечто целесообразное и оздоравливающее; и, наконец, он начинает понимать, что авторитет духовно старшего человека совсем не призван подавлять или поработать подчиненного, пренебрегать его внутренней свободой и ломать его характер, но что, наоборот, он призван *воспитывать человека к внутренней свободе*.

Так, семья есть первая, естественная *школа свободы*: в ней ребенок должен в первый, но *не* в последний раз в жизни найти верный путь к внутренней свободе; принять из любви и уважения к родителям все их приказы и запреты во всей их кажущейся строгости, вменить себе в обязанность их соблюдение, добровольно подчиниться им и предоставить своим собственным воззрениям и убеждениям свободно и спокойно созреть в глубине души. Благодаря этому семья становится как бы начальной школою для воспитания *свободного и здорового правосознания*. <...>

Пока семья будет существовать (а она будет существовать, как все природное, вечно), она будет школой *здорового чувства частной собственности*. <...>

Здоровая семья всегда была и всегда будет органическим единством – по крови, по духу и по имуществу. И это единое имущество является живым знаком *кровного и духовного единства*, ибо это имущество в том виде, как оно есть, возникло именно из этого *кровного и духовного единения* и на пути *труда, дисциплины и жертв*. Вот почему здоровая семья учит ребенка сразу целому ряду драгоценных умений. Ребенок научается пробивать себе в жизни дорогу при помощи *собственной инициативы* и в то же время высоко ценить и соблюдать принцип *социальной взаимопомощи*; ибо семья, как целое, устраивает свою жизнь именно по частной, собственной инициативе – она есть самостоятельное творческое единство, а в своих собственных пределах семья есть настоящее воплощение взаимопомощи и так называемой «социальности». Ребенок научается постепенно быть «частным» лицом, самостоятельной индивидуальностью и в то же время ценить и беречь лоно семейной любви и семейственной солидарности; он научается *самостоятельности и верности* – этим двум основным проявлениям духовного характера. Он научается творчески обходиться с имуществом, вырабатывать, создавать и приобретать хозяйственные блага и в то же время – подчинять начала частной собственности некоторой высшей, социальной (в данном случае – *семейной*) целесообразности... А это и есть то самое умение или, лучше сказать, *искусство*, вне которого не может быть разрешен *социальный* вопрос нашей эпохи. <...>

Никакие «детские сады», «детские дома», «приюты» и тому подобные фальшивые замены семьи никогда не дадут ребенку необходимого: ибо главной силой воспитания является то *взаимное чувство личной незаменимости*, которое связывает родителей с ребенком и ребенка с родителями связью единственной в своем роде – таинственной связью *кровной любви*.

...Именно семья дарит человеку *два священных первообраза*, которые он носит в себе всю жизнь и в живом отношении к которым растет его душа и крепнет его дух: *первообраз чистой матери*, несущей любовь, милость и защиту, и *первообраз благого отца*, дарующего питание, справедливость и разумение. Горе человеку, у которого в душе нет места для этих зиждательных и ведущих первообразов, этих живых символов и в то же время творческих источников *духовной любви и духовной веры!*

Н.О. Лосский. О воспитании любви. (Из книги «Условие абсолютно-го добра»)

Наиболее благоприятна для воспитания способности к личной любви семья. В особенности материнство есть интимная связь двух существ, начинающаяся с того, что одно из них живет в другом как часть его тела. Также и связь отца с детьми, жениха и невесты, мужа и жены, дедушки и

бабушки с внуками есть высокая степень единства душ и даже в некоторой степени единства тела. <...>

...Разрушение семьи наносит глубокие раны не только членам ее, но и всем лицам, втянутым в орбиту ее жизни. Тайное свидание Анны Карениной с сыном представляет собой ряд содроганий раненого организма, каждое движение которого мучительно для всех членов его (V. Гл. 29 и 30).

Новая семья рождается на основе половой любви двух лиц друг к другу. В земной жизни этот вид любви, если она сочетается с духовной личной любовью, есть самая высокая степень единства души и тела. <...> Такая связь между людьми есть как бы взаимоуплощение их. <...>

Всякое единоедушное сочетание сил двух или нескольких существ ведет к повышению их творческой мощи. Эта творческая сила особенно присуща тому единству, которое выражается в половой любви. В самом деле, семья есть более чем сочетание двух человек; она есть сверхчеловеческое живое существо, органически цельное, способное давать жизнь новым людям, детям, которые вырастают в составе семьи как новые члены ее. <...>

...Не следует, однако, думать, будто цель половой любви сводится лишь к тому, чтобы произвести на свет ребенка. Более прямой и непосредственный смысл ее состоит в том, что два лица, мужского и женского пола, обладая в значительной мере противоположными свойствами, особенно удачно дополняют друг друга. <...>

Абсолютная гармония двух лиц возможна не в земном осуществлении их, а в соотношении их образа Божия. Подлинная любовь именно и начинается там, где есть видение идеальной основы личности, не субъективная «идеализация» ее, а подлинное постижение образа Божия в ней. <...>

...Половая любовь, как интимное всестороннее единство двух лиц, в идеальном осуществлении своем неразрушима; она дает право на брак только в том случае, если оба вступающие в него лица искренне верят в нерасторжимость своей связи, т.е. подлинность своей любви. Однако центробежные силы земной жизни всегда угрожают прочности семьи. Вряд ли бывают семьи, в которых супруги не подвергались бы соблазнам вступить в новую связь; избежать тяжелых потрясений, нарушений верности и даже полного разрыва могут лишь те семьи, в которых оба супруга настолько чутки, что подавляют в себе в самом зародыше малейший намек на отклонение от чистоты и прочности семейной жизни. <...>

Семейная жизнь, особенно связь родителей с детьми, есть наиболее естественный путь развития способности к личной любви, ведущий и дальше за пределы семьи. Даже гордыня, отчуждающая от людей, может быть незаметно и постепенно преодолена. В повести Бернет «Маленький лорд Фаунтлерой» показано, как происходит это чудесное освобождение от сухой аристократической гордости в душе английского лорда под влиянием любви к внуку, а в романе Мельникова-Печерского «В лесах и на горах» рассказано, как купеческая спесь Потапа Максимыча Чапурина смягчается и отпадает под влиянием страданий и смерти любимой дочери.

Сейчас имя выдающегося педагога, автора «Истории русской философии» протоиерея Василия Васильевича Зеньковского известно уже не только среди русской эмиграции, но и в России. Он глубоко продумывал религиозные основы личности, особой темой было развитие психологии религиозного в человеке, психологии самой религии, тема – пока не получившая, к сожалению, своего научного развития на родине мыслителя, а на Западе ее изучают далекими от христианского мировоззрения методами. Особую популярность у россиян завоевали его педагогические сочинения – основные работы, такие, как «Проблемы воспитания в свете христианской антропологии» и «Психология детства», а также отдельные очерки, выдержки из которых мы и предлагаем.

В.В. Зеньковский. (Отрывки из статей разных лет)

Ребенок находит себя впервые в семье, которая окружает его в ранние годы тесной социальной оболочкой. Среди родных лиц, обычно связанных между собой взаимной симпатией, растет он, – и уже в эту пору социальные запросы ребенка очень велики. Социальное общение имеет, можно сказать, главное значение в эту пору усвоения традиции. Дети в семье учатся речи, приобретают первый социальный опыт, учатся социальному ориентированию.

Эта роль семьи, которую она играет, не прилагая для этого почти никаких усилий, огромна <...> Но семья, если она хорошо построена, может иметь и более глубокое значение в социальном созревании ребенка. Всякая семья есть не просто сожительство, но почти всегда сотрудничество; семья представляет как бы простейший элемент общества, она живет замкнутой хозяйственной жизнью, имеет свое отдельное жилище и т. д. Все это при нормальных условиях ведет к тесному сотрудничеству членов семьи; на почве этой общей жизни, на основе деловой помощи друг другу вырастает забота друг о друге, умение считаться с особенностями каждого члена семьи, взаимная уступчивость, – развивается дух солидарности в его первой и вместе с тем влиятельнейшей форме. <...>

Социальная сила семьи кроется в духе солидарности, во взаимной помощи друг другу; крепость социальной связи поддерживается постоянно общей жизнью, общей работой.

Не сентиментальное единодушие, но сближение в активности, общие заботы и думы, общее горе и радости, общий труд, общая жизнь, совместная активность, вот что поддерживает свежесть и силу семейных социальных связей. Нормальная семья является поэтому незаменимым органом социального воспитания, потому что к тесному социальному сотрудничеству присоединяется здесь естественное чувство родственной близости, известная органическая связь членов семьи. Нормальная семья может и не задаваться педагогическими задачами, – она все равно воспитывает *самим строем своим*, взаимностью социальных связей.

<...> К сожалению, современная семья переживает глубокий кризис. <...> Семья превращается в сожительство, в физическое соседство. Люди

ведут одинаковую, а не одну жизнь, пульс семейственности, внутренней теплоты и близости почти совершенно не слышится. <...> Почва для ссор, взаимного непонимания, для взаимных обвинений всегда готова, от всякого пустяка может загореться настоящая сцена. Взаимных обид становится больше, чем услуг, горечи больше, чем радости.

Друг другу надоедают, тяготятся обществом другого, при первом удобном случае уходят к другим, легко увлекаются кем-нибудь на стороне, а то и просто бросают семью. <...>

Что выносят дети из такой семьи? Их социальные переживания отравлены ядом раньше, чем они успели познать ценность социальной близости; они не знают настоящего сотрудничества, одушевленного взаимной симпатией. <...> Справедливо говорят о том жутком сиротстве, которое являются уделом многих детей, живущих в семье. Такое положение вещей наносит самый серьезный удар социальным силам личности и становится угрожающим для общества. Все, кто думает об оздоровлении общества, о социальном прогрессе, неизменно приходят к мысли, что «нравственное оздоровление должно начаться снизу – с забот о силе и чистоте семейной общности». <...> Именно семье принадлежит решающая роль в выработке и развитии социальной отзывчивости. Эмоциональная замкнутость почти всегда является свидетелем того, что в детские годы душа ребенка не могла раскрыться навстречу лучам социальности, что она сжималась и морщилась в холодной атмосфере взаимного равнодушия, враждебности, чисто внешних отношений, царивших в семье.

<...> Семья не может выполнить своей огромной, ответственной роли в социальном воспитании, если она сама не подымет на ту высоту, на какой должна находиться. Каким чахлым, бесплодным, вырастает среди нас чувство человеколюбия, даже если родители «упражняют» это чувство у детей различными способами, – раз их собственная жизнь, их собственная деятельность чужда человеколюбия. И каким свежим, творческим, энергичным чувством вырастает оно там, где жизнь действительно полна им! <...>

Все, что может сделать социальное воспитание в его дальнейших стадиях, никогда не может возместить того, чего не дала ребенку семья. Пусть же помнят об этом те, кто входит в семейную жизнь, пусть помнят они о той ответственности, какая на них падает в созревании их детей. Забота о детях, любовь к ним требуют не только «мира и согласия» среди родителей, но они требуют живой и одушевленной социальной близости, потому что на бесплодной почве взаимного равнодушия ничего не может вырасти.

¹ После расстрела М.О. Меньшикова на Валдае карательным отрядом в 1918 году появился неожиданный слух, что расправились с философом В.В. Розановым, после чего пришлось писать опровержения. Так, даже смерти двух знаменитых публицистов слились в этот богатый событиями переломный исторический момент.